«Нобелевская лекция» - традиционное выступление Нобелевского лауреата при вручении Премии

- **Ознакомьтесь со статьёй Ольги Глазуновой «"Нобелевская лекция" Иосифа Бродского: монолог или скрытая полемика?», опубликованной во №12 журнала «Нева» за 2017 год https://magazines.gorky.media/wp-content/uploads/2018/05/11_GLAZUNOVA.pdf (Ольга Игоревна Глазунова — лингвист, литературовед, специалист по русскому языку как иностранному. Работает на филологическом факультете СПбГУ, доцент)**
- **Ознакомьтесь с конспектами двух выступлений**

Александр Солженицын 1970 **«За нравственную силу, с которой он следовал непреложным традициям русской литературы»**	**Иосиф Бродский 1987** **«За всеобъемлющее творчество, пропитанное ясностью мысли и страстностью поэзии».**
1. Достоевский загадочно обронил однажды: "Мир спасет красота". Что это? Мне долго казалось -- просто фраза. Как бы это возможно? Когда в кровожадной истории, кого и от чего спасала красота? Облагораживала, возвышала -- да, но кого спасла? Однако есть такая особенность в сути красоты, особенность в положении искусства: убедительность истинно художественного произведения совершенно неопровержима и подчиняет себе даже противящееся сердце. Политическую речь, напористую публицистику, программу социальной жизни, философскую систему можно по видимости построить гладко, стройно и на ошибке, и на лжи; и что скрыто, и что искажено -- увидится не сразу. Произведение же художественное свою проверку несет само в себе: концепции придуманные, натянутые не выдерживают испытания на образах: разваливаются и те и другие, оказываются хилы, бледны, никого не убеждают. Произведения же, зачерпнувшие истины и представившие нам ее сгущенно-живой, захватывают нас, приобщают к себе властно, -- и никто, никогда, даже через века, не явится их опровергать. Так может быть, это старое триединство Истины, Добра и Красоты – не просто парадная обветшалая формула, как казалось нам в пору нашей самонадеянной материалистической юности? Если вершины этих трех дерев сходятся, как утверждали исследователи, но слишком явные, слишком прямые поросли Истины и Добра задавлены, срублены, не пропускаются, -- то может быть причудливые, непредсказуемые, неожидаемые поросли Красоты пробьются и взовьются *в то же самое место,* и так выполнят работу за всех трех.	**1.** Всякая новая эстетическая реальность уточняет для человека реальность этическую. Ибо эстетика – мать этики; понятие "хорошо" и "плохо" -- понятия прежде всего эстетические, предваряющие категории "добра" и "зла". В этике не "все позволено" потому, что в эстетике не "все позволено", потому что количество цветов в спектре ограничено. Эстетический выбор всегда индивидуален, и эстетическое переживание -- всегда переживание частное. Всякая новая эстетическая реальность делает человека, ее переживаюшего, лицом еще более частным, и частность эта, обретающая порою форму литературного (или какого-либо другого) вкуса, уже сама по себе может оказаться если не гарантией, то хотя бы формой защиты от порабощения. Ибо человек со вкусом, в частности литературным, менее восприимчив к повторам и ритмическим заклинаниям, свойственным любой форме политической демагогии. Дело не столько в том, что добродетель не является гарантией шедевра, сколько в том, что зло, особенно политическое, всегда плохой стилист. Чем богаче эстетический опыт индивидуума, чем тверже его вкус, тем четче его нравственный выбор, тем он свободнее -- хотя, возможно, и не счастливее. Именно в этом смысле следует понимать замечание Достоевского, что "красота спасет мир". Мир, вероятно, спасти уже не удастся, но отдельного человека всегда можно.

2. Оттого кажется нам крупней, больней и невыносимей, не то, что на самом деле крупней, больней и невыносимей, а то, что ближе к нам. Все же дальнее, не грозящее прямо сегодня докатиться до порога нашего дома, признается нами, со всеми его стонами, задушенными криками, погубленными жизнями, хотя б и миллионами жертв, -- в общем вполне терпимым и сносных размеров. …Разные шкалы для оскорбления личности: где унижает даже ироническая улыбка и отстраняющее движение, где и жестокие побои простительны как неудачная шутка. Разные шкалы для наказаний, для злодеяний. По одной шкале месячный арест, или ссылка в деревню, или "карцер", где кормят белыми булочками да молоком, -- потрясают воображение, заливают газетные полосы гневом. А по другой шкале привычны и прощены -- и тюремные сроки по двадцать пять лет и карцеры, где на стенах лед, но раздевают до белья… Но кто же и как совместит эти шкалы? Кто создаст человечеству единую систему отсчета -- для злодеяний и благодеяний, для нетерпимого и терпимого, как они разграничиваются сегодня? … Кто сумел бы перенести такое понимание через рубеж собственного человеческого опыта? Кто сумел бы косному упрямому человеческому существу внушить чужие дальние горе и радость, понимание масштабов и заблуждений, никогда не пережитых им самим? Бессильны тут и пропаганда, и принуждение, и научные доказательства. Но, к счастью, средство такое в мире есть! Это -- искусство. Это -- литература.	**2.** Если искусство чему-то и учит (и художника -- в первую голову), то именно частности человеческого существования. Будучи наиболее древней -- и наиболее буквальной -- формой частного предпринимательства, оно вольно или невольно поощряет в человеке именно его ощущение индивидуальности, уникальности, отдельности -- превращая его из общественного животного в личность. Многое можно разделить: хлеб, ложе, убеждения, возлюбленную – но не стихотворение, скажем, Райнера Марии Рильке. Произведения искусства, литературы в особенности и стихотворение в частности обращаются к человеку тет-а-тет, вступая с ним в прямые, без посредников, отношения. За это-то и недолюбливают искусство вообще, литературу в особенности и поэзию в частности ревнители всеобщего блага, повелители масс, глашатаи исторической необходимости. Ибо там, где прошло искусство, где прочитано стихотворение, они обнаруживают на месте ожидаемого согласия и единодушия -- равнодушие и разноголосие, на месте решимости к действию -- невнимание и брезгливость.
3. Доступно им такое чудо: преодолеть ущербную особенность человека учиться только на собственном опыте, так что втуне ему приходит опыт других. От человека к человеку, восполняя его куцее земное время, искусство переносит целиком груз чужого долгого жизненного опыта со всеми его тяготами, красками, соками, во плоти воссоздает опыт, пережитый другими, -- и дает усвоить как собственный. И спасение человечества только в том, чтобы всем было дело до всего… И художественная литература -- из тончайших, отзывчивейших инструментов человеческого существа -- одна из первых уже переняла, усвоила, подхватила это чувство растущего единства человечества.	**3.** Я не думаю, что я знаю о жизни больше, чем любой человек моего возраста, но мне кажется, что в качестве собеседника книга более надежна, чем приятель или возлюбленная. Роман или стихотворение -- не монолог, но разговор писателя с читателем -- разговор, повторяю, крайне частный, исключающий всех остальных… И в момент этого разговора писатель равен читателю, как, впрочем, и наоборот, независимо от того, великий он писатель или нет. Равенство это -- равенство сознания, и оно остается с человеком на всю жизнь в виде памяти, смутной или отчетливой, и рано или поздно, кстати или некстати, определяет поведение индивидуума. Именно это я имею в виду, говоря о роли исполнителя, тем более естественной, что роман или стихотворение есть продукт взаимного одиночества писателя и читателя.
4. В своих странах, раздираемых разноголосицей партий, движений, каст и групп, кто же искони был силою не разъединяющей, но объединяющей? Таково по самой сути положение писателей: выразителей национального	**4.** На сегодняшний день чрезвычайно распространено утверждение, будто писатель, поэт в особенности, должен пользоваться в своих произведениях языком улицы, языком толпы. При всей своей кажущейся демократичности и осязаемых

языка -- главной скрепы нации, и самой земли, занимаемой народом, а в счастливом случае и национальной души.

Скажут нам: что ж может литература против безжалостного натиска открытого насилия? А не забудем, что насилие не живет одно и не способно жить одно: оно непременно сплетено с ложью. Между ними самая родственная, самая природная глубокая связь: насилию нечем прикрыться, кроме лжи, а лжи нечем удержаться, кроме как насилием. Всякий, кто однажды провозгласил насилие своим методом, неумолимо должен избрать ложь своим принципом. Рождаясь, насилие действует открыто и даже гордится собой. Но едва оно укрепится, утвердится, -- оно ощущает разрежение воздуха вокруг себя и не может существовать дальше иначе, как затуманиваясь в ложь, прикрываясь ее сладкоречием. Оно уже не всегда, не обязательно прямо душит глотку, чаще оно требует от подданных только присяги лжи, только соучастия во лжи.

И простой шаг простого мужественного человека: не участвовать во лжи, не поддерживать ложных действий! Пусть э т о приходит в мир и даже царит в мире -- но не через меня. Писателям же и художникам доступно больше: *победить ложь!* Уж в борьбе-то с ложью искусство всегда побеждало, всегда побеждает! -- зримо, неопровержимо для всех! Против многого в мире может выстоять ложь -- но только не против искусства. А едва развеяна будет ложь -- отвратительно откроется нагота насилия -- и насилие дряхлое падет.

практических выгодах для писателя, утверждение это вздорно и представляет собой попытку подчинить искусство, в данном случае литературу, истории. Только если мы решили, что "сапиенсу" пора остановиться в своем развитии, литературе следует говорить на языке народа. В противном случае народу следует говорить на языке литературы.

По чьему бы образу и подобию мы не были созданы, нас уже пять миллиардов, и другого будущего, кроме очерченного искусством, у человека нет. В противоположном случае нас ожидает прошлое -- прежде всего, политическое, со всеми его массовыми полицейскими прелестями.

Во всяком случае положение, при котором искусство вообще и литература в частности является достоянием (прерогативой) меньшинства, представляется мне нездоровым и угрожающим. Я не призываю к замене государства библиотекой -- хотя мысль эта неоднократно меня посещала -- но я не сомневаюсь, что, выбирай мы наших властителей на основании их читательского опыта, а не основании их политических программ, на земле было бы меньше горя. Мне думается, что потенциального властителя наших судеб следовало бы спрашивать прежде всего не о том, как он представляет себе курс иностранной политики, а о том, как он относится к Стендалю, Диккенсу, Достоевскому. Хотя бы уже по одному тому, что насущным хлебом литературы является именно человеческое разнообразие и безобразие, она, литература, оказывается надежным противоядием от каких бы то ни было -- известных и будущих -- попыток тотального, массового подхода к решению проблем человеческого существования. Как система нравственного, по крайней мере, страхования, она куда более эффективна, нежели та или иная система верований или философская доктрина.

Существуют, как мы знаем, три метода познания: аналитический, интуитивный и метод, которым пользовались библейские пророки -- посредством откровения. Отличие поэзии от прочих форм литературы в том, что она пользуется сразу всеми тремя (тяготея преимущественно ко второму и третьему), ибо все три даны в языке; и порой с помощью одного слова, одной рифмы пишущему стихотворение удается оказаться там, где до него никто не бывал, -- и дальше, может быть, чем он сам бы желал. Пишущий стихотворение пишет его прежде всего потому, что стихотворение -- колоссальный ускоритель сознания, мышления, мироощущения. Испытав это ускорение единожды, человек уже не в состоянии отказаться от повторения этого опыта, он впадает в зависимость от этого процесса, как впадают в зависимость от наркотиков или алкоголя. Человек, находящийся в подобной зависимости от языка, я полагаю, и называется поэтом.

Очевидно, что круг проблем этих двух выступлений схож: это проблема цели искусства вообще и литературы в частности; это проблемы связи искусства с современным развитием цивилизации; это проблемы дальнейшего развития литературы. Мы видим, что круг проблем не изменился со времени стихотворения Н.А. Некрасова «Поэт и гражданин» и идеологического противостояния Некрасова последователям теории «чистого искусства» (например, А.А. Фету).

В указанной выше статье О. Глазунова пишет:
«Любопытно, что в США Иосиф Бродский и Александр Солженицын никогда не встречались, хотя и жили недалеко друг от друга. Но, конечно, с творчеством друг друга они были знакомы. Лев Лосев пишет: «Если Бродского спрашивали о Солженицыне как о писателе, то он неизменно повторял то, что некогда слышал от Ахматовой: „Для меня Александр Исаевич — это совершенно замечательный писатель, чьи книги должны прочесть все триста миллионов людей, проживающих в Советском Союзе“. Или: „Советская власть обрела в Солженицыне своего Гомера. Он сумел открыть столько правды, сумел сдвинуть мир с прежней точки...“»
Безусловно, мнение Анны Ахматовой чрезвычайно много значило для Бродского. Кроме того, Солженицын был старше Бродского на 22 года; к тому времени, когда они вместе оказались в Америке, он был всемирно известным писателем, удостоенным Нобелевской премии. Однако (и этого Бродский никогда не скрывал) его взгляды на литературу кардинальным образом отличались от взглядов Солженицына.
Обратимся к двум интервью, в которых Бродский говорит о стилистических особенностях прозы Солженицына и его взглядах на литературное творчество. Из первого интервью: «Что касается языка Солженицына, могу сказать лишь одно: это не русский язык, а славянский. Впрочем, это старая история. Солженицын — прекрасный писатель. И как каждый знаменитый писатель, он слышал, что у такого писателя должен быть собственный стиль. Что выделяло его в 1960—70-х годах? Не язык, а фабула его произведений. Но когда он стал великим писателем, он понял, что ему должна быть присуща своя собственная литературная манера. У него ее не было, и он поставил задачу ее создать. Стал использовать словарь Даля». Из второго: «Он писатель. Но он пишет не с целью создать некие новые эстетические ценности. Он использует литературу, стремясь к древней, первоначальной, ее цели — рассказать историю». Если для Бродского история и литература должны двигаться параллельно, то для Солженицына, по мнению Бродского, литература и есть история. Интересным представляется и тот факт, что Бунин и Шолохов на церемонии вручения Нобелевской премии произносили речи, и только Солженицын прочитал лекцию. То же самое сделал Бродский, который стал следующим русскоязычным лауреатом премии. Сопоставив их лекции, можно отметить, что Бродский строит свою речь на оппозиции к лекции Солженицына».

- **Выберите одну из проблем, поднятых в Нобелевских лекциях Солженицына и Бродского.**
- **Сформулируйте позицию каждого из лауреатов по ОДНОЙ проблеме (докажите, что вы поняли, в чём суть спора).**
- **Проанализируйте средства выразительности, которыми пользуется каждый (помните, о критериях оценивания сочинения на ЕГЭ по русскому: двух средств выразительности, непосредственно подводящих к пониманию авторской позиции, достаточно; хорошо, если удастся «столкнуть» двух авторов и в этом отношении, например, оба цитируют одно высказывание, но понимают его по-разному).**
- **Напишите связный текст.**